

СОЦИОЛОГИЯ КУЛЬТУРЫ

СТЕРЕОТИПЫ В СВЕТЕ КУЛЬТУРНЫХ КОНСТРУКТОВ ЛИЧНОСТНЫХ КАЧЕСТВ

Л.Д. Сурманидзе

Кафедра социологии

Тбилисский Государственный университет им. Ив. Джавахишвили
пр. Чавчавадзе, 1, Тбилиси, Грузия, 380028

В статье описываются результаты исследования социокультурных особенностей грузинского народа, проведенного на основе изучения содержащихся в грузинском фольклоре критериев культурных оценок личности. Такой подход дает автору возможность сделать выводы относительно исторических стереотипов грузинской культуры.

Ключевые слова: культурные особенности, фольклор, стереотипы, конструкты личностных качеств.

Различия в результатах исследований культурного многообразия широко распространены в науках о культуре. Исследователи стремились найти универсальные закономерности и универсальные концептуальные системы, объясняющие эти различия. Вместе с тем их наличие вынуждало ученых переосмыслить априорно универсалистские теории, в которых особенно ощутимо отсутствие контекстуальных, в том числе культурных, переменных.

Такое положение вещей актуализирует дискуссию по поводу издавна известных двух подходов в изучении культур — *emic* (изучение культур изнутри) и *etic* (изучение культур с универсалистских позиции). Ученые всего мира, и западные, и восточные, согласны в том, что современная наука о культуре должна развиваться в направлении, вмещающем себя уникальные психологии множества культур по всему миру, изыскивая пути передачи знаний другим подходам в иных культурах и получения знаний о них [7]. Таким образом, на современном этапе основными задачами исследований культур признается, с одной стороны, перенос гипотез на другие культурные группы с целью их проверки в других культурных контекстах, с другой — изучение переменных, отсутствующих в западном культурном опыте [12].

Особое внимание уделяется культурному контексту, так как внутренняя линия объяснений и координированных действий, т.е. внутренние психические структуры или культурное знание и процессы интерпретации обусловлены именно культурным контекстом [15]. По мнению ученых, изучение ментальных процессов должно быть основано на ценностях, верованиях, историческом опыте, в целом специфических концептах конкретной культуры, а осмысление эмпирических данных — на учете региональных интерпретационных моделей [13]. Для достижения наилучших исследовательских результатов необходим комплексный *etic-emic-etic* подход, при котором используются *etic* категории и *emic* способы их измерения [14].

Объектом многостороннего интереса является менталитет культуры, представляющий собой социокультурную систему, на которой основана активность человеческого общества и его членов. Несмотря на недостаточность концептуализации самого понятия менталитета [6], неоспоримо, что он является интегративной системой и что культурные коды имплицитно содержат в себе ценностные ориентации. Общеизвестно, что язык, в том числе народный языковой фольклор, является важнейшим хранилищем культурной специфики. Непосредственная вплетенность языкового фольклора в быт и психологию народа, метафоричность, рефлексивность, ценностная направленность, сформированная в процессе всей истории культуры, делает его особенно привлекательным для исследователей культур.

Представленное экспериментальное исследование посвящено изучению определенных аспектов картины мира современных грузин. Данные аспекты непосредственно связаны с культурно-историческими пластами. С этой целью мы обратились к материалу двух видов: к категории стереотипов, представляющих собой культурные универсалии (особенно в средневековых христианских странах), в том числе и в грузинской культуре, а также к грузинским народным крылатым выражениям. Последнее было использовано в качестве материала, имплицитно содержащего критерии оценки личности.

Следует отметить особый интерес современных исследователей к концепции «большой пятерки» личностных качеств. В общих чертах ее можно свести к следующим положениям.

Назначением терминологии, обозначающей личностные качества, является облегчение применения особенно важных для взаимодействия различительных черт; данная информация обеспечивает учитываемость поведения других людей, поэтому содействует контролированию жизненно важных результатов, тем самым расширяя возможности прогнозирования человеческого поведения в широком спектре значимых ситуаций. По предположению так называемой фундаментальной лексической гипотезы в обществе и социальном взаимодействии существуют важные для прогнозирования поведения универсальные вопросы, а следовательно, и общие личностные показатели во всех языках. Согласно аргументации социальных биологов, обосновывающей данную универсальную структуру, ценность информации о личностных качествах обусловлена большим значением в обществе

соответствия со статусной иерархией и признания, так как именно с их помощью аккумулируется значимая информация о важнейших для достижения успеха стратегиях и собственных состояниях. По мнению ученых, значительный пласт личностных качеств имеет культурное происхождение [15; 8].

Таким образом, народные крылатые выражения, имплицитно содержащие культурные критерии оценки личности, являются носителями важнейшей информации о культурной специфике восприятия социальных процессов, отражают значимые для грузинской культуры индивидуальные различия. В данном исследовании основанием для процесса интерпретаций данных явилось осмысление культурно-исторического опыта исследуемых концептов.

Итак, целью исследования являлось изучение обыденного сознания грузин.

Достижение цели было связано с решением следующей задачи: выявление критериев оценки личности на базе грузинских народных фразеологизмов, с помощью которых возможно описание исторических (так называемых архетипных) стереотипов грузинской культуры.

Был использован метод «множественной идентификации» (1). Исследование проводилось в рамках психосемантической экспериментальной парадигмы [9; 10], методом которой является построение семантических пространств. С их помощью сознание человека или социальной группы представляется в виде фрагмента сознания в интересующей исследователя области. Координатные оси операционалистского аналога этого фрагмента — некоего n -мерного пространства — задаются базисными структурами, выделенными в результате факторного анализа, использованного в эксперименте перечня индикаторов (шкалы-дескрипторы: поступки, прилагательные, разнообразные суждения и т.п.), а точки внутри этого пространства соответствуют анализируемым объектам.

В качестве шкал-дескрипторов были применены 90 грузинских народных образных (крылатых) выражений, а в качестве объектов оценки — 10 понятий, описывающих культурные стереотипы: «строитель», «ремесленник», «философ», «ростовщик», «воин», «завоеватель», «духовный пастырь», «проститутка», «судья», «палач».

Участниками эксперимента являлись 50 лиц грузинской национальности, представители обоих полов, с высшим образованием, в возрасте 25—45 лет; для всех участников эксперимента родным языком являлся грузинский.

Участники эксперимента оценивали истинность смысла, переданного отдельными фразеологизмами, относительно каждой исследуемой ролевой позиции (т.е. стереотипа) по шестибальной шкале (от 0 до 5), где оценка «0» означала полное отрицание смысла, переданного конкретным фразеологизмом относительно оцениваемого стереотипа, а оценка «5» — полное приписывание данного смысла стереотипу.

Первичные данные оценки стереотипов группировались в общегрупповые суммарные матрицы; после корреляционного анализа данных производилась обработка с помощью факторного анализа методом главных компонентов.

После факторной обработки данных были выделены четыре основных фактора (соответственно объясняющие 39, 28, 16 и 15% общей дисперсии). Ниже бу-

дуг приведены фрагменты содержания каждого фактора с указанием величины факторных нагрузок, которые с математической точки зрения являются проекциями вектора фразеологизма на ось фактора, а с содержательной точки зрения показывают, насколько конкретный фразеологизм содержит в себе смысл, заданный данным базисным фактором (2).

Первый фактор выражает следующее: на одном полюсе данного фактора сгруппировались фразеологизмы, семантика которых передает агрессивность и злонамеренность; в данном контексте особенно высокими факторными нагрузками выделяются фразеологизмы, выражающие семантику крайней агрессивности, бездушия, подхалимства, безличности, подчинения чужой воле. Анализ выявляет главный мотив этого оппозиционного объединения: пренебрежение духовностью в отношении к жизни и человеку. Данному контексту противопоставляется семантика сгруппированных в оппозиции фразеологизмов, входящих в этот же фактор, — здесь подчеркиваются нравственные и духовные моменты: самоотверженность ради других людей, труд, гибкость в отношениях, сдержанность:

- ползать на животе (раболепствовать) 0,94;
- расстроить рот (не сдерживать слово) 0,91;
- продать душу 0,87;
- рыть могилу [кому-нибудь] 0,94;
- повесить на ноги 0,90;
- снять руку с совести (бессовестный) 0,86;
- танцевать под чужую дудку 0,90;
- преданно тянуть общее ярмо -0,87;
- пролить бальзам на сердце -0,75.

Таким образом, можно выделить два противоположных мотива: возвышенности и низости, ответственности и безответственности, милосердия и грешности. С учетом контекста оцениваемых ролевых позиций этот фактор был обозначить как «духовность» («духовный-земной») (3).

Содержание *второго фактора* выявляет отличную от первого фактора семантику — показушность, рискованность, лень, направленность на удовольствие, низкую саморегуляцию и импульсивность. Данный фактор является однополюсным. С учетом всего содержательного контекста фразеологизмов, входящих в этот фактор, он был назван «афишированностью-демонстративностью»:

- показывать голову 0,88;
- бить в бубен, дуть в горн (звонить во все колокола) 0,74;
- говорить плоско (напыщенно, с апломбом) 0,50;
- тарыхтеть языком 0,67;
- растянуть хвост на черепице (надменность) 0,71.

Третий фактор описывает свойство эластичности, гибкости. Вместе с тем в эту группу фразеологизмов объединены, с одной стороны, характерное для гибкости хорошее знание психологии других людей, дипломатичность, сладкоязычность, с другой стороны — активность, действенность, определенная доза мечтательности, а также изворотливость и меркантильность:

- обделывать дельце 0,87;
- не сжечь ни шашлык, ни шампур (и волки сыты, и овцы целы) 0,84;

- шить с обеих сторон 0,81;
- ободрать блоху 0,78;
- лить мед изо рта 0,74;
- строить воздушные замки 0,52.

Данный фактор был обозначен как «гибкость».

Фразеологизмы, объединенные в *четвертом факторе*, сгруппировались в две оппозиции: в одной группе оказались фразеологизмы, выражающие активность и деятельность. Сюда вошли фразеологизмы с наиболее высокими факторными весами, семантика которых однозначно выражает активность и неутомимость. Объединенные в противоположной оппозиции малочисленные фразеологизмы описывают крайнюю пассивность и ленивость:

- крутиться юлой 0,93;
- уровнять день и ночь 0,93,
- переложить голову (отдаться чему-либо полностью) 0,86;
- не сгибать колени 0,63;
- показать косточку (имеется в виду косточка рыбы, т.е. быть бравым) 0,50;
- глотать мух -0,92;
- прислоняться к каменной изгороди -0,78.

Анализируемые оппозиции фразеологизмов данного фактора в контексте оцениваемых ролевых позиций можно рассматривать в качестве поведенческих диспозиций с основным отличительным признаком: с одной стороны, это целенаправленная активность, с другой стороны — бесцельные действия, активность без конкретной цели, без прогноза и ориентации на будущее. Несмотря на явную выраженность подобной ориентации, рассмотрение данной оппозиции как направленную или не направленную на конкретную цель, было бы недостаточным. Не менее отчетливо в смыслах анализируемых оппозиций выявляется и личностная позиция включенности в жизненные проблемы, а также ориентация активного воздействия на реальность, т.е. позиция активного или пассивного отношения к жизни. С учетом такой особенности четвертый фактор был назван «активность-пассивность».

Таким образом, выделенные факторы были интерпретированы как «духовность», «демонстративность», «гибкость» (эластичность), «активность-пассивность». Соответственно, исследуемые стереотипы будут рассмотрены в четырехмерном пространстве.

Семантика выявленных в результате эксперимента критериев оценки корнями уходит вглубь истории культуры. Например, активность является положительным качеством — практически вся грузинская история подтверждает, что активное отношение к жизни одинаково присуще и мирянам, и духовным лицам. В семантике критерия «демонстративность-афишированность» явно прослеживается связь с артистизмом (воспринимаемым в грузинской культуре позитивно), который в представлении грузинской культуры, безусловно, является одним из составляющих концепта «артистизм». По поводу критерия гибкости можно вспомнить самую популярную сказку в грузинском сказочном фольклоре «Нацаркекия», главный герой которой является символом эластичности и остроумной хитрости (4).

Первичная суммарная матрица уже выявляет основную тенденцию в отношениях к исследуемым стереотипам, о чем свидетельствуют баллы, приписанные каждой ролевой позиции по отдельным фразеологизмам. Например, по фразеологизму «тянуть тяжелое ярмо» максимальное количество баллов было приписано «созидателю» (23 балла), а минимальное — «проститутке» (8); «печь вранье» лучше всех удается «завоевателю» (20), хотя не меньшими «врунами» оказываются «ростовщик» и «проститутка» (19); «навлечь болезнь на здоровую голову» по данным нашей матрицы характерно для «философа» и «духовного пастыря» (13) и т.д. В общем по данным суммарной матрицы тенденция самой негативной установки проявляется в отношении трех ролевых позиций: «проститутка», «палач» и «завоеватель».

В семантическом пространстве, на пересечении первого и второго факторов («духовность» и «демонстративность»), в левом нижнем сегменте расположились четыре ролевые позиции: «духовный пастырь», «философ», «созидатель» и «судья». Данный факт отражает типичное для грузинской культуры (как и, впрочем, для других средневековых христианских стран) обстоятельство. Названные категории исторически в Грузии осмыслены под высоким знаком духовности: «духовные пастыри» высокочтимы и уважаемы, они — воспитатели и просветители; средневековая смысловая связь «философа» и «духовного пастыря» в Грузии очень сильна (5); в грузинском языке «книжный человек» осмысливается как «просветленный человек», следовательно, «философ» воплощал в себя все ипостаси духовности, в том числе и нравственность. Подчеркнутая духовность этих двух ролевых позиций в семантическом пространстве связана с еще одним обстоятельством: в раннее средневековье было распространено мнение, что интеллектуальная деятельность не требует материального вознаграждения, ибо мудрость расценивалась как дар божий, которым, следовательно, нельзя торговать [2. С. 248]. В Грузии наука и образование долго оставались монополией духовенства (лишь в IX в. начали оплачивать труд учителей).

Наше семантическое пространство наглядно свидетельствует о сходной семантической ценности оцениваемых ролевых позиций — «духовный пастырь» и «философ» проявляют большую близость по всем четырем выявленным критериям; незначительная разница между ними проявляется лишь по параметру «демонстративности» — тяготение к приземленности сильнее у «философа», чем у «духовного пастыря», что можно объяснить расщеплением смыслов этих двух понятий в процессе секуляризации науки и религии — в современном социальном понимании философ, по сравнению с «духовным пастырем», воспринимается более светским человеком и не имеет функции духовного наставника. Таким образом, в целом расположение ролевых позиций в семантическом пространстве показывает, что их рассмотрение нашими респондентами в русле исторически зафиксированной близости и по сей день остается в силе.

Восприятие ролевой позиции «строитель» заслуживает особого рассмотрения. В первую очередь следует отметить специфику самого понятия «строитель» в грузинском языке, семантика которого включает в себя «создающего нового», и «строителя»; в эксперименте было использовано понятие «агмшенебели», которое воплощает в себя оба смысла — и «созидать», и «строить».

Данные эксперимента показывают, что существует прочнейшая ассоциативная связь между понятием «созидатель» и личностью грузинского царя Давида Строителя: ставший легендой царь Давид, прозванный Строителем, превратился в Грузии в символ разума, мудрости, прозорливости, активности [1]. Яркой иллюстрацией тому может служить местоположение стереотипа «строитель» в семантическом пространстве — он как бы повторяет оценку личности Давида Строителя по материалам источников грузинской историографии: своей «духовностью» он почти равен ролевой позиции «духовного пастыря», а с точки зрения демонстративности он даже сдержаннее последнего; на оси «гибкости» он занимает одно из ведущих мест (в совокупности оцениваемых ролевых позиций «созидатель» уступает гибкостью лишь «ростовщику» и «проститутке»), тем самым оправдывая особо подчеркнутое историком царя его свойство: «искусность» (в древнегрузинском корень слова связан с рукой) — знак сообразительности, мыслительной живости, олицетворяющей гибкость и эластичность нации.

Таким образом, можно сказать, что понятие «агмшенебели» (Строитель) в грузинской культуре имеет свой воплощенный образ в лице царя Давида Строителя, ему приписывается характерные Давиду основные качества: возвышенность (духовность), сдержанность, активная позиция в отношении жизни и гибкость.

Стереотип «судья» по своему положению в семантическом пространстве входит в группу «положительных» персонажей, характеризуется довольно позитивно, хотя в некотором смысле слишком нейтрален. Позитивная установка по отношению к нему имеет свои корни в ментальности: во-первых, семантика слова ассоциативно сильно связана с понятием высшего судии — бога, что характерно почти для всех языков; во-вторых, в семантике понятия судьи, безусловно, отражены особенности системы средневекового правосудия Грузии. Для грузинского феодализма, в сравнении со средневековой западной Европой, характерна важная отличительная черта: в Европе государь — не синоним и не единственный носитель власти; сеньор (феодал) являлся высшим правителем собственного владения, соответственно, и обладал важнейшими государственными и правовыми функциями — он вершил правосудие и собирал налоги; таким образом, в его руках были сосредоточены как гражданское, так и уголовное право, а также, ведение судебных дел. В Грузии такой *immunitas* являлся исключением, феодал собирал налоги, но никогда не вел судебные дела: феодалы не имели права вершить правосудие — это было прерогативой лишь царя, волю которого выполняли назначенные царем люди, ответственные только перед ним; даже у обычных («сапатроно») крестьян сбор налогов производился посредством таких чиновников [3. С. 252—254] (6). Данные обстоятельства формировали традицию особого уважения к функции судьи в Грузии, так как «судья» — это представитель царя. Это отражено в характеристике данной ролевой позиции в семантическом пространстве: судья духовен, в поведенческом плане склонен к неафишированности (этим свойством он родственен «философу») и подобно «духовному пастырю» пассивен, что является отражением его беспристрастности.

Вместе с тем описанный факт в определенном смысле является следствием и самой экспериментальной процедуры — на конкретном стереотипе, безуслов-

но, отражается влияние контекста всей категориальной структуры оцениваемых стереотипов; в случае с рассматриваемым стереотипом судьи такое влияние было особенно усиленно тем, что в эксперименте была использована древнегрузинская форма данного понятия — «мсаджули», редко используемая сегодня; поэтому респонденты, принимавшие участие в эксперименте, вероятнее всего, оценивали образ «того», а не «теперешнего» судьи. По этой причине данное понятие оказалось наиболее привязанным к средневековому образу.

В семантическом пространстве крайним антиподом «духовного пастыря» по параметру духовности является стереотип «палач». По параметру активности-пассивности он родственен пассивным персонажам (больше всех с «завоевателем»), по гибкости же он один из самых негибких персонажей. Среди «приземленных» ролевых позиции по параметру «демонстративность-афишированность» он представляет собой исключение: по местоположению в семантическом пространстве его следует рассматривать нейтральным в этом отношении (он почти нулевой носитель данного свойства), а сам факт его «пробывания» в данном сегменте указывает скорее на негативное восприятие нашими респондентами самой роли палача. Таким образом, «палач» — крайне земной, недемонстративно выполняющий свое дело, пассивный и довольно негибкий стереотип, своей безликостью производящий впечатление исполняющего чужую волю механизма. В связи с ним следует обратить внимание на весьма, на наш взгляд, специфический факт: в грузинских памятниках права не указывается, кому поручалось привести в исполнение приговор смертной казни, что и свидетельствует об отсутствии института палачей в Грузии (в отличие от европейского законодательства той же эпохи), во всяком случае, в период формирования правосудия; предполагается, что при необходимости исполнение приговора поручалось приглашенным, особо доверенным лицам. Семантика понятия «палач» в грузинской культуре скорее связана с жестоким завоевателем (что и отражено в крылатом выражении «агамэхмэдханство», по сегодняшней день существующем в грузинском языке и понимаемом, как всеобщее несчастье, жестокое истребление народа); поэтому представление о палаче, выполняющем реальную социальную функцию, скорее абстрактно, нежели исторически обосновано. Этим и объясняется его «безликость» в семантическом пространстве (практически по всем критериям его оценка тяготеет к нейтральности), несмотря на явно отрицательное отношение к нему наших респондентов.

В ряду других «земных» персонажей наименее активной (т.е. самой пассивной) ролевой позицией оказалась «проститутка», хотя по параметру афишированности она является одной из самых передовых. Такая двусмысленность тоже исходит из культурных представлений средневековой Грузии: существует два образа женщины — возвышенная, асексуальная и низменная, плотски греховная; наивысшим статусом в средневековой Грузии обладала и особую социальную ценность представляли женщина-мать и женщина-жена (по данным современных исследований, статус замужней «семейной» женщины по сей день остается самым престижным в Грузии). «Проститутка» — традиционно объект порицания, ее демонстративность — антипод скромности, значимого элемента средневекового идеала фемининности (скромность проститутка или «лживая», или вовсе

не является характерной чертой представительниц данной социальной категории). В семантическом пространстве ее крайняя пассивность (важнейший аспект средневекового образа женщины) наряду с выраженной демонстративностью еще раз показывает амбивалентность отношения к женщине у современных грузин.

Характеристика стереотипа «ростовщика» также отражает и ныне живущие средневековые представления: он недемонстративен в поведении, довольно гибок и активен; в семантическом пространстве он обычно соседствует с довольно негативными персонажами. Следует отметить, что ролевые позиции «проститутка» и «ростовщик» особо близки по параметру гибкости; однозначно, что данная черта им приписывается с учетом их сильной ориентации на материальные цели — бинарная оппозиция «духовный—материальный» в средневековой интерпретации однозначно размещает данные ролевые позиции в системе «греховности» — «ростовщик» не создавая благо, устремлен на материальный нажив, а «проститутка» еще более греховна в силу направленности на плотское удовольствие.

Любопытно, что тот же параметр гибкости совершенно иначе воспринимается в связи с ролевой позицией «строитель» — здесь она дается с позитивной семантикой по понятным причинам; видимо, двусмысленность данного параметра во многом определяется значимостью конечной цели действующего субъекта (свойства человека проявляются в его деяниях и намерениях). Именно так обстоит дело в нашем семантическом пространстве — гибкость как критерий оценки личности амбивалентен и воспринимается с учетом ценностной иерархии в культуре: в целях низменных (нажива, плотское удовольствие) он негативен, в целях возвышенных — позитивен, как в случае со «строителем» (поэтому «гибкость» царя Давида интерпретируется, как мудрость).

В отличие от гибкости, критерий демонстративности-афишированности «действует» более однозначно: связь с христианским пониманием скромности во всех проявлениях человеческой активности, видимо, и объясняет тот факт, что совокупность исследуемых стереотипов однозначно разделена по признаку демонстративности-афишированности — все «духовные» персонажи являются наименьшими носителями данного свойства, следовательно, лицами «манерными» они не воспринимаются, а противоположная группа «земных» персонажей («завоеватель», «воин», «проститутка», «ремесленник», «ростовщик») — как демонстративные, склонные к афишированности, что, исходя из анализа фразеологизмов, порой нагружается семантикой определенной бесцеремонности в поведении.

Среди остальных «земных» персонажей самыми нейтральными оказались ролевые позиции «воин» и «ремесленник», что тоже не является неожиданностью — исторически в Грузии и ремесленник, и воин относились к достойной и уважаемой категории населения. К примеру, в Средневековье входило в состав войска считалось одинаково почетным не только для представителей знати, имеющей свои вооруженные отряды, но и для простых граждан; высокая ценность воинской доблести, универсальная для всего средневековья, проявлялась и в том, что лишение права быть в составе войска было одной из форм гражданского наказания [4. С. 223]. Множество исторических источников подтверждают особую ценность воинской доблести в Грузии. В нашем семантическом пространстве демонстративность у ролевой позиции «воин» довольно заметна, что объясняется большой

ценностью воинских искусств и связанных с ними почестей в традициях грузин, к тому же, военное искусство и способности в силу их универсальной ценности во всем средневековом мире представляли собой обязательный атрибут благородства личности.

Что касается стереотипа «завоевателя», который по всем параметрам проявляет тенденцию к нейтральной оценке, то он родственен с «воином» по параметру «демонстративности», а семантическая близость этих двух стереотипов объясняется сходством в облике: «завоеватель» в контексте грузинской истории осмысливается не иначе, как вооруженный, демонстративно бесцеремонный насильник.

Ремесленники с давних времен является многочисленной социальной группой в Грузии и имеет положительную социальную ценность. В нашем семантическом пространстве он активный «земной» человек. Тенденция «показушности» в нем прослеживается весьма незначительно, он довольно негибкий. Видимо, в его оценке немаловажную роль играет и повседневный опыт современного человека.

Результаты представленного экспериментального исследования свидетельствуют, что применение индигенных интерпретационных моделей создает возможность выявить те контекстуальные особенности, которые определяют функционирование когнитивных и оценочных процессов в конкретной исследуемой культуре, тем самым создавая возможность более полноценного сравнительного анализа разных культур. Кроме того, исследования подобного рода содействуют более глубокому самопониманию общества, так как знание культурной специфики оценочных и когнитивных ориентаций в условиях непрерывных изменений и актуализированной оппозиции «традиция — модерн», может оказаться весьма полезным для дальнейшего функционирования общества.

ПРИМЕЧАНИЯ

- (1) До последнего времени в науке наиболее распространенным подходом для исследования стереотипов являлось предоставление участникам исследования перечня прилагательных, описывающих психологические черты или характеристики, среди которых они выбирали наиболее показательные для исследуемых групп-объектов. В последнее время в исследованиях используются более сложные методы и приемы анализа для изучения возможных психологических факторов или показателей, стоящих за подобными оценками.
- (2) Знак факторной нагрузки содержательного смысла не несет, а показывает, к какому из полюсов фактора, если он двухполюсный, относится фразеологизм.
- (3) Первый фактор обычно является оценочным. Остальные же, как правило, отражают более конкретные специфические признаки.
- (4) Нацаркекия — человек, занимающийся перебиранием пепла. Многими исследователями грузинского фольклора герой этот, своей хитростью, сообразительностью и ловкостью победивший опасного и могучего Деви (существа имеющего страшную силу, но немного придурковатого), является символом грузинского характера, в течение многих веков борющегося с разными инородными завоевателями.
- (5) Исторически, после официального провозглашения христианства в IV в., философы — духовные пастыри являлись носителями и распространителями многообразных знаний, соответственно, церковные центры являлись очагами просвещения и культуры.

- (6) Данное обстоятельство является важнейшим для понимания специфики грузинской культуры — в контексте исторических реалий расхождение в основных постулатах государственного права являлся одним из важнейших факторов противоборства с исламскими завоевателями, так как исламский шариат, являющийся одновременно и правовым кодексом исламских государств, изначально противостоял закону землевладения в грузинском праве; т.о. защищая и уважая грузинское государственное право, тем самым население страны в течение веков защищало и свой собственный образ жизни, диктуемый именно царем, а не конкретными феодалами.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] *Гвинджилия Дж.* Дух созидающий. — Тбилиси: Мерани, 1987.
[2] *Гуревич А.Я.* Категории средневековой культуры. — М., 1984.
[3] *Джавахишвили Ив.* Человек в древнегрузинской литературе // Вопросы грузинского языка и литературы. — Тбилиси: Мерани, 1956.
[4] *Джавахишвили Ив.* Сочинения. В 12 томах. — Т. VII. — Тбилиси, 1984.
[5] *Коул М.* Культурно-историческая психология — М.: Когито-Центр, 1997.
[6] *Лурье С. В.* Историческая этнология. — М.: Аспект-Пресс, 1997.
[7] *Мацумото Д.* Психология и культура. Современные исследования. — СПб., 2002.
[8] *Первин Л., Джон О.* Психология личности. Теория и исследования. — М.: Аспект-Пресс, 2000.
[9] *Петренко В.Ф.* Основы психосемантики. — М.: Изд-во МГУ, 1997.
[10] *Петренко В.Ф.* Психосемантика сознания. — М.: Изд-во МГУ, 1988.
[11] *Сахокиа Т.* Грузинские образные выражения. — Тбилиси: Мерани, 1979.
[12] *Berry J.W., Poortinga Y.H., Segall M.H., Dasen P.R.* Cross-Cultural Psychology: Research and applications. — Cambridge: Cambridge un. Press, 1992.
[13] *Ho D.Y.F.* Indigenous psychologies. Asian Perspectives // Journal of cross-cultural psychology. — 1998. — Vol. 29. — № 1. — January.
[14] *McDonald K.* Evolution, Culture, and the five-factor model // Journal of cross-cultural psychology. — 1998. — Vol. 29. — № 1. — January.
[15] *Triandis H.C.* Culture and social behavior. — N.Y., 1994.

STEREOTYPES IN THE FRAMEWORK OF PERSONALITY TRAITS CULTURAL CONSTRUCTS

L.D. Surmanidze

Sociology Chair
Tbilisi Ivane Javakhishvili State University
Chavchavadze ave., 1, Tbilisi, Georgia, 380028

The article focuses on the results of the investigation of Georgian people socio-cultural identity based on the analysis of personality cultural evaluation criteria in Georgian folklore. The approach involved enables the author to make inferences about historical stereotypes of Georgian culture.

Key words: cultural identity, folklore, stereotypes, constructs of personality traits.